

**Секция № 5:
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В XX В.**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

П. А. Аренский

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось для России коренным переустройством всей системы социального взаимодействия. Новой системой координат для формирования социальности становится либеральная модель, в связи с чем, с начала 90-х гг. в отечественной научной литературе разгорается жаркая дискуссия относительно жизнеспособности либерализма в российских условиях. Сегодня, несмотря на то, что большинство исследователей сходятся во мнении о том, что шифром современной российской социальной реальности стал либерализм, целостное понимание этого феномена выявить достаточно сложно. Поэтому необходимо, чтобы избежать чрезмерной узости и упрощенности подхода, обратиться к внутренней логике и основанию современного либерализма. В качестве такого основания может выступать либеральное представление о принципе организации социального порядка, четкое понимание которого, с одной стороны, станет фундаментом для объединения экономических, политологических и др. подходов к либерализму в целостную концепцию развития общества. С другой стороны, это позволит объяснить причины широко обсуждаемых сегодня социальных изменений, таких как, вертикализация государственного управления, сворачивание демократических процедур, усиление экономической власти госкорпораций и др.

Несмотря на крайнюю неоднородность подходов, описанных в литературе, в наиболее общем виде можно выделить два направления развития современного либерализма, в основе которых лежат принципиально различные представления о формировании социальности.

Первое направление условно можно назвать радикальным или неоклассическим либерализмом. Возможно, самый существенный вклад в его формирование внес Фридрих А. фон Хайек. В основу своих исследований он положил принцип методологического индивидуализма, в соответствии с которым не существует никакой коллективной реальности. В обществе есть только индивиды, социальное целое разрозненно и гипериндивидуализированно.

Соответственно, формирование социального порядка – это череда случайностей, поэтому его эффективное конструирование на основе разума невозможно. Полноценная самореализация индивида возможна только в условиях его максимальной свободы от доминанции извне, а все сферы общества являются самоорганизующимися и не нуждаются ни в каком руководящем начале. Частный интерес, таким образом, ставится выше интереса общественного, а главной ценностью считается свобода, в противовес равенству.

Другое существенное направление, которое можно обозначить как умеренный либерализм (Дж. Гэлбрейт, Х. Ламперт, А. Мюллер-Армак, А. Рюстов, Л. Эрхард и др.) основывается на том, что принадлежит групповому началу, а субъектами взаимодействия признает, прежде всего, коллективистские структуры и институты, преследующие разные цели, которые, однако, можно выявить и, следовательно, спрогнозировать их действия. Поэтому над всеми институтами и структурами может находиться государство, не просто наблюдающее за происходящим, но и, в случае необходимости, регулирующее деятельность этих структур. Регулирование необходимо для того, чтобы все находились в равных стартовых условиях, иначе тот, кто менее талантлив, но находится изначально в лучшем положении, достигнет больших успехов и сможет навязывать свою волю окружающим. В таких условиях для достижения общего блага более эффективными считаются коллективные усилия, вместо индивидуальных, а больший приоритет отдается равенству стартовых условий, нежели свободе.

Цель обеих ветвей одна – создание такого общества, которое позволило бы каждой личности максимально реализовать свой потенциал. Обе концепции главным субъектом, обеспечивающим определенную форму взаимодействия институтов и индивидов, признают государство, а ядром всей системы общества – экономику.

Через сопоставление этих теоретических моделей с конкретными процессами в различных сферах общества возможно выявить наиболее общие черты и принципы взаимодействия субъектов в рамках формирующегося социального порядка.

На момент распада СССР в странах евроатлантического региона популярностью пользовались неоклассические практики, возможно, именно поэтому в Новой России за образец был взят уже действующий во многих других странах более радикальный вариант либерализма. Предполагалось, что простое устранение государства от прямого участия в большинстве социальных процессов обеспечит равенство возможностей, благодаря которому, свободные и независимые субъекты, конкурируя друг с другом, будут добиваться реализации своих частных интересов, способствуя тем самым развитию общества в целом.

Однако последовавший за этим процесс трансформации социальных отношений принял стихийный характер. В экономической сфере «шоковая терапия», приватизация предприятий, сокращение обязательств государства, связанных с социальными гарантиями должны были способствовать развитию предпринимательской активности, получению иностранных инвестиций, созданию хорошего делового климата. В действительности же эти процессы обусловили перераспределение ресурсов в пользу небольшой группы элит, и, как следствие, глубокое социальное расслоение, лишившее в широкие массы возможностей пользоваться предоставленными впервые свободами.

Приход неоклассического либерализма в российскую правовую и политическую реальность предполагал становление принципа разделения властей, гражданского общества, развитие местного самоуправления, децентрализацию и деконцентрацию власти. Для реализации этих принципов власть продолжала уходить из общества, оставляя место свободному творчеству индивидов. Вместе с тем, отказ некогда мощного и всепоглощающего государства от регулирования взаимоотношений между субъектами предопределил появление своеобразных «зон безвластия» [6]. Социальные связи, жизнеспособность которых длительное время поддерживалась административной машиной, были разорваны – произошла фрагментация общества и отдаление граждан от государства. В результате, вместо развития институтов и ценностей гражданского общества, значительно повысился уровень беззакония, коррупции.

Произошедшие трансформации привели к появлению равновероятного набора сценариев для дальнейшего общественного развития и, как следствие, к тотальной неуверенности индивидов в завтрашнем дне. Культивируемый крайний индивидуализм и дерегуляция в короткие сроки не привели к гармонизации социальных отношений, напротив – большинством людей будущее стало восприниматься как угроза. Реализуемая модель радикального (неоклассического) либерализма, таким образом, в российских условиях оказалась несостоятельной.

Для выхода из сложившейся ситуации властью был запущен процесс усиления влияния государства во всех сферах общественной жизни. Одним из первых шагов в этом направлении стал факт начала институционализации властных отношений, результатом которого стала т. н. «вертикализация» – выстраивание четкой системы иерархии между федеральными и местными органами управления. Суверенитет местной власти при этом значительно пострадал, поскольку ее функции свелись исключительно к хозяйственной деятельности и выполнению решений, диктуемых сверху. Вертикализация проявилась так же и в виде сокращения возможностей

для политического волеизъявления гражданами, сокращении подотчетности власти населению.

В экономической сфере восстановление государственного влияния и сокращение возможностей для реализации индивидуальных целей проявляется не столь ярко, как в политике, тем не менее, обозначенная тенденция тоже имеет место. Правительственные практики направлены преимущественно на поддержку наиболее крупных предприятий, перераспределение ресурсов от одних владельцев к другим, навязывание политической воли крупным собственникам, «забывшим» об ответственности перед обществом. Процесс культивирования рынков был завершен, только вот основными участниками рыночных отношений стали не свободные индивиды-собственники, а крупные корпорации, многие из которых находятся под полным или частичным гос. контролем.

Таким образом, современный тип общественного устройства России в момент своего становления обладал характеристиками, близкими более радикальной ветви либерализма, вместе с тем, в последние годы наметились тенденции, сближающие отечественный социум с альтернативной моделью. Пересмотр модели развития означает и смещение целей и задач правительственных практик. С ролью независимого арбитра государство не справилось, поэтому, оно все активнее начинает играть роль игрока-капитана команды. Действующими субъектами социального взаимодействия признаются не независимые и самодостаточные индивиды, принимающие спонтанные решения для реализации личных интересов, а крупные структуры, объединяющие индивидов на основе их общей четко сформулированной цели. Отдельно взятый индивид с большей вероятностью достигнет высокого социального положения и признании заслуг, если будет действовать в рамках этих структур, а не самостоятельно отстаивать интересы.

Библиографические ссылки на источники

1. Бриттан С. Капитализм с человеческим лицом. СПб., 1998.
2. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества [Электронный ресурс]. URL: <http://orel.rsl.ru/nettext/economic/gelbrait/glbsod.htm> (дата обращения: 08.04.2009).
3. Дворкин Р. Либерализм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnemosyne.ru/library/dvorkin.html> (дата обращения: 25.03.2008).
4. Капустин В. Кризис ценностей и шансы российского либерализма // Полис. 1992. № 5.
5. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1994.
6. Лоскутов В. А. Постсоветский тоталитаризм. Екатеринбург, 2006.

7. Модели общественного переустройства России. XX век: Сб. науч. тр. // Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2004.
8. Согрин В. В. Либерализм в России: перипетии и перспективы. М., 1997.
9. Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11.
10. Хайек Ф. А. Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПАРАДОКС СУВЕРЕННОСТИ

Д. В. Подоксёнов

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

Традиционно чрезвычайное положение определяют как ситуацию временного ограничения или приостановки действия правовых норм на некоторой территории. В широком смысле, ввести чрезвычайное положение – значит упразднить существующий политико-юридический порядок. «Упразднение» в данном контексте нельзя приравнять к полному уничтожению: связь между нормальным и чрезвычайным состоянием проблематичнее, чем кажется на первый взгляд. Более того, исследование этой связи вводит в поле зрения философии некий изначальный парадокс, определяющий соотношение права и жизни.

Своего рода пролегоменами к изучению феномена чрезвычайного положения можно считать работы К. Шмитта, посвященные диктатуре и понятию суверенитета [1; 4]. Разграничивая комиссарскую и суверенную диктатуру, Шмитт, по сути, говорит о двух принципиально разных стратегиях поведения власти в ситуации аномии. Диктатор-комиссар стремится защитить действующую конституцию, и именно с этой целью он ее и приостанавливает – причем чрезвычайными полномочиями его наделяет сама конституция. Диктатор-суверен не пытается сохранить существующий порядок вещей: это бессмысленно, поскольку никакого порядка уже нет. Поэтому суверенная диктатура «не приостанавливает действующую конституцию в силу основанного на ней и, стало быть, конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией. Таким образом, она ссылается не на действующую конституцию, а на ту, которую надлежит ввести» [1, с. 158].

Представленное учение о диктатуре, если следовать Дж. Агамбену, вводит два вида различий, проливающих свет на состояние